

DOI: 10.31862/0130-3414-2021-3-83-95

Е.Я. Антонова, О.В. АлексееваСеверный (Арктический) федеральный университет
имени М.В. Ломоносова,
163002 г. Архангельск, Российская Федерация

Читательский опыт советского человека: отечественная и переводная литература в дневнике советского школьника, студента и инженера 1930–1940-х гг.

Аннотация. В статье рассматриваются читательские практики советского школьника, впоследствии студента и молодого инженера Олега Всеволодовича Черневского, отраженные в его дневниковых записях с 1933 по 1948 гг. – время, когда уже можно было подводить итоги процесса «формовки советского читателя» (Е.А. Добренко). Дневник О.В. Черневского дает редкую возможность встретиться с реальным читателем в период, наиболее значимый для формирования его личности: записи велись автором с 12 до 27 лет. Дается характеристика его читательских предпочтений в их эволюции. Рассматривается специфика его оценок прочитанного. Уделяется внимание факторам формирования эстетических предпочтений Черневского, факторам, влияющим на выбор книг, а также возрастному, социальному и культурному аспектам их восприятия и оценки автором дневника. Ценность исследования определяется его материалом: в отличие от доминирующих в литературоведении феноменологических и социологических подходов к изучению читательской рецепции в данной статье рассматривается читательский опыт конкретного человека на протяжении 15 лет, имевших решающее значение как для него лично, так и для истории его страны. Можно говорить, что читательский опыт в значительной мере способствовал формированию личности. Реальный читательский опыт Олега Черневского не вписывается в модели, выстраиваемые в современном литературоведении на основании социокультурных и социологических исследований, и свидетельствует о том, что чтение, будучи индивидуально-личной практикой, помогает читателю найти личные ответы на вопросы, которые перед ним ставит жизнь. Материал дневников Олега Черневского расположен в электронном корпусе дневников «Прожито».

Ключевые слова: Олег Всеволодович Черневский, «Прожито», дневники, советский читатель 1930–1940-х гг., читательский опыт, читательская оценка, читательская эволюция

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Антонова Е.Я., Алексеева О.В. Читательский опыт советского человека: отечественная и переводная литература в дневнике советского школьника, студента и инженера 1930–1940-х гг. // Литература в школе. 2021. № 3. С. 83–95. DOI: 10.31862/0130-3414-2021-3-83-95

DOI: 10.31862/0130-3414-2021-3-83-95

E.Ya. Antonova, O.V. Alekseeva

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov,
Arkhangelsk, 163002, Russian Federation

The reading experience of a Soviet person: Russian and translated literature in the diary of a Soviet schoolchild, student and engineer of the 1930–1940s

Abstract. The article examines the reading practices of the Soviet schoolboy, later – student and young engineer – Oleg Vsevolodovich Chernevsky, reflected in his diary entries from 1933 to 1948. It was the time when it was already possible to summarize the process of “the Soviet reader formation” (E.A. Dobrenko). Chernevsky’s diary gives us a rare opportunity to meet a real reader during the period that was most significant for development of his personality: the author’s notes were kept at the age of 12–27. The characteristic of his reading preferences in their evolution is given. The specifics of his readings are considered. Attention is paid to the factors that formed Chernevsky’s aesthetic preferences, factors that influenced the choice of books, as well as the age, social and cultural aspects of their perception and assessment by the author of the diary. The value of the study is determined by its material: in contrast to the phenomenological and sociological approaches to the study of reader’s reception that dominate in literary criticism, this article examines the reading experience of a particular person over 15 years, which were of decisive importance both for him personally and for the history of his country. We can say that the reading experience has greatly contributed to the personality development. The real reading experience of Oleg Chernevsky’s does not fit into the models built in modern literary criticism based on sociocultural and sociological research, and testifies to the fact that reading, being an individual and personal practice, helps the reader find personal answers to the questions that life puts before him. The material from Oleg Chernevsky’s diaries is located in the electronic corpus of the diaries “Prozhito”.

Key words: Oleg Vsevolodovich Chernevsky, "Prozhito", diaries, the Soviet reader of 1930–1940s, reader's experience, reader's comment, reader's evolution

CITATION: Antonova E.Ya., Alekseeva O.V. The reading experience of a Soviet person: Russian and translated literature in the diary of a Soviet schoolchild, student and engineer of the 1930–1940s. *Literature at School*. 2021. No. 3. Pp. 83–95. (In Russ.). DOI: 10.31862/0130-3414-2021-3-83-95

В современном литературоведении вопросы о читательских практиках, о специфике рецепции художественной литературы, о формировании читательского вкуса и читательского спроса имеют богатую предысторию. С одной стороны, существует западноевропейская традиция, связанная с немецкой рецептивной эстетикой, с именами Э. Гуссерля [6] и Х.Г. Гадамера [2], Р. Ингардена [10] и Х.Р. Яусса [16], в трудах которых читатель рассматривается как некая инстанция, заданная самим текстом, и следующие этой традиции феноменологии чтения имеют дело скорее с конструированием читателя и с конструкцией читателя, нежели с реальным читательским опытом [9]. С другой стороны, на протяжении XX в. сложилась традиция социологических исследований литературы, и российской и зарубежной, которая опирается на эмпирику читательских опросов, данных книжного рынка, изучение библиотечных абонементов [1; 5; 8; 11–15]. В последние десятилетия появляются работы, посвященные исследованию проектов, призванных повлиять на читательские практики, сформировать нового читателя.

Наиболее значимым из таких проектов является, безусловно, советский проект, изучению которого посвящена, главным образом на материале 1920-х гг., основательная работа

Е.А. Добренко «Формовка советского читателя». Ученый рассматривал «социально-эстетические предпосылки рецепции соцреализма», его интересовал «продукт взаимодействия литературы и читателя», который «фиксируется не только в системе читательских реакций, предпочтений, оценок, но и в самих соцреалистических текстах» [7, с. 7]. В силу этой задачи в его поле зрения оказывались прежде всего социологические материалы, касающиеся массового читателя, а также директивные документы власти, критические выступления организаторов библиотечного дела, что позволило в итоге сделать вывод о «реальных истоках соцреалистической эстетики как компромисса между “массовой литературой” и “элитарной литературой”» [Там же, с. 126].

Совсем недавно стали появляться исследования, стремящиеся преодолеть ограниченность как феноменологического, так и социологического подходов и прийти к изучению реального читателя [3]. Но по понятным социо-историческим причинам эти исследования ограничены современным материалом.

Особенностью, сближающей как феноменологический, так и социологический подходы к проблеме читательской рецепции, является их масштабирование: в обоих случаях

теряется конкретный человек, реальный читатель и не рассматривается единственно реальное событие – его встреча с книгой. Это реальное событие представлено в работах, посвященных читательскому опыту конкретных людей, как правило, писателей, философов, ученых. Опыт такого рода исследования обобщен в книге «Что и как читали русские классики? (От круга чтения к стратегиям письма)» [4]. Однако реальный читательский опыт человека, далекого от писательства, того, кого мы называем рядовым читателем, изучать достаточно сложно в силу его специфики: он чрезвычайно редко фиксируется в читательских дневниках; отраженный в соцопросах, он неизбежно искажается; тот материал, который доступен исследователю, неизбежно фрагментарен, и в реальности мы в большей степени имеем дело с реконструкциями реального читателя, нежели с ним самим.

В этом отношении дневник О.В. Черневского дает редкую возможность встретиться с реальным читателем в период наиболее значимый для его формирования: дневник велся автором с 12 до 27 лет, в тот период, когда уже можно было подводить итоги процесса, о котором писал Е.А. Добренко в своей монографии.

Олег Всеволодович Черневский (11.09.1921–14.07.2007), сын Всеволода Николаевича Черневского, бригаданта Красной Армии, бывшего члена ЦК партии эсеров, репрессированного в 1937 г., и Анны Андреевны Крастынь, библиотекаря (репрессирована в 1938 г.). Вел дневниковые записи с 1933 по 1948 гг.

Первые записи были сделаны в книжке «Друг Чиж» и велись

регулярно, без пропусков. В них фиксируются значимые для автора бытовые события, факты школьной жизни (уроки и их содержание), встречи с друзьями, содержатся сведения о результатах сыгранных партий в шахматы, о личных спортивных достижениях, о посещении кинотеатров, театров и о прочитанных книгах¹.

С 1946 г. записи становятся более редкими. Автор дневника признается в неловкости, которую он испытывает, когда о его дневнике узнают девушки: в глазах некоторых из них дневник является признаком ребячества. Автор прекращает ведение дневника накануне своей первой женитьбы. Однако многочисленные пометки свидетельствуют о том, что уже в зрелые годы он несколько раз перечитывал свой дневник.

Со временем меняется не только частота, но и характер дневниковых записей. Они становятся более развернутыми. Характерное для ранних записей упоминание о себе в третьем лице («Ч», т.е. Чинар, как он себя называет) сменяется первым лицом, а упоминание родителей как «Вс. Ник.» и «Ан. Андр.» заменяется на «папу» и «маму». Простая констатация событий заменяется их оценками, зачастую развернутыми. Проснувшийся интерес к девушкам превращает дневниковые записи в свидетельство любовных историй, а характерные для подросткового времени пометки в связи с просмотренными фильмами или прочитанными книгами (интересно/неинтересно) все чаще начинают соседствовать с размышлениями

¹ Дневниковые записи О.В. Черневского цитируются авторами статьи по электронному источнику: Черневский Олег (Чинар) Всеволодович. URL: <https://prozhito.org/person/808> (дата обращения: 20.10.2020).

по поводу просмотренного или прочитанного, а также с развернутыми выписками.

Круг чтения О. Черневского разнообразен и широк. Произведения школьной программы, познавательная литература, документалистика, отечественная и зарубежная классика, современная зарубежная и отечественная литература. Выбор Чинара-читателя поначалу определяется в значительной мере под влиянием семьи (отец читал детям вслух и обсуждал с ними прочитанное), друзьями (они активно обмениваются книгами) и школой. Большую роль в чтении играет посещение библиотек. Кроме того, постоянно пополняется домашняя библиотека. Определенные читательские ориентиры создают списки произведений, получивших Сталинскую премию.

Особый интерес представляют записи Чинара о прочитанных книгах не только как свидетельство его личной читательской эволюции, но и как социопсихологический и социокультурный документ. Первые годы ведения дневника (с 1933 по 1936 гг.) мы встречаем записи, либо просто констатирующие факт прочтения книги, либо оценивающие ее с точки зрения занимательности фабулы. Это в основном приключенческая классика XIX в.: книги Ж. Верна, А. Дюма (сопровождаются пометой «интересно»), школьная отечественная классика и зарубежная классическая литература XIX в. (в первую очередь Ч. Диккенс).

С 1936 г. появляются более развернутые оценки прочитанного, поэтому данный год можно считать переломным в его читательском опыте. В силу этого стоит рассмотреть его более подробно. Пятнадцатилетний

подросток констатировал, что прочитал «Евгения Онегина», «Записки из Мертвого дома», «Рудина», «Пиковую даму», «Большие ожидания», «Обломова», «Отцов и детей» – из русской классики, «Крошку Доррит», «Барнеби Раджа», «Декамерон», «Гаргантюа и Пантагрюэля», «Остров сокровищ» – из зарубежной литературы. Кроме этого он читал «Записки о Пушкине» Пушина, книги из серии «Жизнь замечательных музыкантов» о Моцарте и Госсекке. Из современных произведений читал Чуковский, «Железный поток» А. Серафимовича, «Детство Никиты» А. Толстого, а из переводных – песню «Болотные солдаты» В. Лангхоффа. Из познавательной литературы Чинар читал «Занимательную арифметику», «Из ледяного плена» (о челюскинцах), «Приключения изобретений».

Однако когда Черневский пишет о том, что книга ему не понравилась, он уже, как правило, стремится объяснить причины своей негативной оценки. Если «Княжна Мери» М.Ю. Лермонтова просто «не очень понравилась», то о романе «Что делать?» Н.Г. Чернышевского кроме пометки «общее впечатление неважное» он указывает на конкретный недостаток: «смазан конец». О «Записках французской школьницы» И. Эрбург Черневский пишет: «Не без сальностей. Идея интересная. Но плохо выраженная. В общем я книжкой не удовлетворен».

Иногда Черневский констатирует свою читательскую неудачу: «Начал читать “Анну Каренину”. Но больше восьми страниц не мог прочесть».

Положительные оценки в основном пока что носят констатирующий характер: из русской классики ему нравятся «Детство», «Отрочество»,

«Юность» Л.Н. Толстого, «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова, первый том «Мертвых душ», из современной русской литературы – «Земля Санникова» В.А. Обручева, «Дневник Кости Рябцева» Н. Огнева, «Исход Никпетожа» Н. Огнева, «Плутония» В.А. Обручева, «Утро» И.К. Микитенко, «Хождения по мукам» А.Н. Толстого, «Рассказы о животных» П.В. Фролова, «Государство Солнца» Н. Смирнова. Из зарубежной литературы Черневскому понравились рассказы Дж. Лондона и «Тартарен из Тараскона» А. Доде, «Агасфер» Э. Сю, а из познавательной литературы – книги о братьях Райт, «Наполеон» из серии «Замечательные люди», «Охотники за микробами» П. де Крюи, «Эдисон» М.Я. Ляпирова-Скобло, «Разумные машины» О. Дрожжина, «Горы и люди» М. Ильина.

Однако и среди этих констатирующих записей тоже появляются признаки рефлексии, иногда очень скромные, обозначающие противоречивые впечатления от книги («“Былое и думы” понравилось, только местами скучно», про «Гиперболоид инженера Гарина» А.Н. Толстого: «Очень увлекательная книжка, хотя в сущности и чепуха. Немного, по-моему, смазан еще конец»). Появляется попытка понять, что именно в книге понравилось (про «Мартина Идена» Дж. Лондона: «На меня это произведение оказало большое впечатление. Очень интересно и правдиво. Трудно сказать, что особенно увлекает. Только философия в ней неинтересна»). Иногда Черневский записывает свои мысли, вызванные чтением: «Я кончил “Испытание” Вилли Бределя и нужно о ней написать свои мысли. Такой книги я не встречал. Написано очень хорошо, а главное – дает яркую картину фашистской Германии».

Показательны изменения оценок, которые книга получает по мере знакомства Черневского с ней. Так, уже получивший в записях Чинара негативную оценку роман Чернышевского «Что делать?» «очень нравится» после приобретенного автором дневника нового жизненного опыта: «там положение, одно время, Кирсанова напоминает мое. То есть он тоже старался преодолеть чувства к женщине».

Начиная с 1936 г. записи о прочитанном приобретают все более индивидуально-личный характер как в непосредственно эмоциональном отклике («Вот это книжка так книжка!» («Таинственный остров»), «так увлекает, что невозможно оторваться... Первый раз мне встречается книга, которую читаешь с таким неослабевающим интересом» («Баскервильская собака»), «Замечательно!!!» («Царь Мидас» Синклера), «упивался убийствами и тайнами» («Лицо во мраке» Уоллеса), «очень хорошая теплая нежная книжка» («Дикая собака Динго» Фраермана), «книжка такая, которую через неделю забуду совершенно» («Голубые наличники» Платоновой), «хорошая книжка. Очень и очень хорошая книжка» («Хождение по мукам» при повторном перечитывании), «чепуха порядочная» («Клуб удивительных промыслов» Честертон); «Читал “На пороге жизни” – пьеса Потапова средне пропорциональная»), так и в размышлении, причем со временем, в 1940-х гг., «размышляющий комментарий» начинает доминировать. Черневскому в книгах все более становятся важны выводы и мысли, а также стилевые особенности произведений. Все чаще встречаются также пометы, касающиеся познавательности того или иного произведения, и познавательная

ценность иногда перевешивает для Черневского недостаток занимательности («Батый» Яна, о котором он первоначально отзывался как о скучной книге, получает положительную оценку). Появляются развернутые эстетические комментарии, в первую очередь книг, которые произвели на него наиболее сильное впечатление: «Книга “Титан” Драйзера чрезвычайно нравится, прямо даже чтение идет в ущерб занятиям. Каупервуд – главный герой, как капиталист, пользующийся подкупам и другими методами борьбы, не нравится, конечно. Но как замечательно сильная личность с сильным характером разносторонностью интересов вызывает восхищение. Все его похождения с женщинами так интересны, так романтичны, но и вполне реально-естественны, т.е. в современной обстановке... Расписался по поводу романа многовато, но это еще раз подчеркивает качество романа и автора».

Показательно изменение оценки книги, когда Черневский возвращается к ней через несколько лет (ср.: оценка романа «Города и годы» К. Федина: «не понравилось, бросил» в 1938 г. vs «Написано очень часто настолько сумбурно, что даже затруднительно для чтения. Но очень красочно и дает хорошую картину войны, что особенно интересно в настоящую войну» в 1942 г.; «Обломов», который был скучен в 1936 г., стал интересен в 1945 г.).

Иногда книга оценивается в своеобразной психологической ретроспективе (об «Огнем и мечом» Сенкевича: «Увлекательно, но все же я перерос тот возраст, в котором читаешь такие книги запоем»). Иногда констатируется различие собственных детских

и юношеских впечатлений («с большим увлечением читал “Дети капитана Гранта”. Замечательно. Читая сейчас, я больше внимания обращал на описание стран, животных, растений, природы, в другие же разы я увлекался только фабулой»).

Значительную роль играет проекция художественного мира книги на собственный жизненный опыт. Черневский «примеряет» на себя и на свою ситуацию описанные в книге героев и положения, в которые они попадают (об «Очень хорошо» Копыленко: «Да, невольно сопоставляешь себя и теперешних друзей с героями книги, их отношения с нашими», 1938 г.; о «Милом друге» Мопассана: «Хочется из него выписать одну цитату, которая очень близко напоминает мое состояние в Туле, когда я был с Катей»; о «Моей семье» Пфлаумера: «прочел и напомнила мне эта книга нашу, бывшую такой дружной и веселой и счастливой семью»; о «Двух капитанах» Каверина: «И в прошлый раз, в 1942 г., она у меня вызвала много мыслей, сейчас тоже, только на место Кати стала Зина, и все мои мечтания стали менее реальными, более далекими и лишенными обоюдности»; о «Красном и черном» Стендаля: «Сорель Жюльен мне понравился, но только некоторых поступков я не делал бы. Г[оспо]жа Дереналь мне не понравилась, хотя Жюльену она понравилась. А от Матильды я в восхищении. Замечательная девушка! Вот у них была любовь, оба гордые, и то один, то другой презирал другого или наоборот – унижался, падал на колени и т.п.»).

Высоко оценивается познавательность «Голи» Шеллера («несколько растянуто, но дает хорошую картину 60-х годов. А главное заставляет

о многом подумать»), «Тихого Дона» Шолохова («Масса познавательного материала»), «Натальи Тарловой» Семенова («интересно описывается в ней время период 24–25 годов, о котором с точки зрения бытовой я меньше всего знаю»). В меньшей степени для Черневского значимы в книгах жизненные и поведенческие идеальные модели. Однако несколько признаний такого характера в дневнике все же есть: «Читаю с громадным увлечением “Ольгу Белокурову”. Вот о какой жизни я мечтаю, яркой, красочной, безбедной, полной оживления, событий» (об «Ольге Белокуровой» Ноздрина); «Замечательно, не могу найти слов, хочется быть таким, как Аллан. Не по славе, а по умению работать, успеху у женщин и характеру» (о «Туннеле» Келлермана).

Гораздо больше в книгах значит для Олега Черневского жизненная правда (о «На краю ночи» Селина: «Тяжелая сумбурная, но очень правдивая вещь»; о «Дневном свете в субботу» Пристли: «Правдиво описывает характеры людей во всем их различии. Чувствует, насколько индивидуальны все, хотя зачастую кажутся серой массой»).

Ценность жизненной правды определяет, по-видимому, и его эстетические установки: Черневский последовательно отмечает как положительную черту то, что «все это видишь на самом деле и так естественно», «кажется, они вполне реально существуют и хочется с ними познакомиться, проводить время в их дружных семьях» («Хожение по мукам» А. Толстого), «Лица настолько реальны, что кажутся вырванными из жизни» («Два капитана» Каверина); «Замечательная книга,

очень сильная. Вообще хоть написана книга из старого времени, но все так, как будто живет сейчас, настолько точно и подробно. Этим и замечателен Фейхтвангер. Он оживляет историю» (о «Еврее Зюссе» Фейхтвангера).

Оценки произведений с элементами модернистской поэтики либо осторожно негативны («Оригинальный стиль. Ново. Есть недостатки...» – о «Цементе» Гладкова), «Много сегодня читал Деблина “Пощады нет”. Кончил. Книга произвела большое впечатление, хотя написана немного странно. Странно, но все же очень интересно. Только она написана вне времени и пространства»), либо прямо негативны («Читал “Кашееву цепь” Пришвина. Интересная книга, но со странностями», «в общем не ахти» – о «Кашеевой цепи» Пришвина; «Читаю “Скутаревского”. Интересно. Тема интересная, но не совсем нравится мне стиль автора. Часто никак не поймешь, к чему он клонит и что хочет сказать. Много напыщенности, перегруженности, сравнений» – о «Скутаревском» Леонова; «На мой вкус значительно хуже две повести. Тут меньше действенности и форма изложения какая-то другая. Все время обращение к Руди, то повествование от первого лица, то от третьего. Много недомолвок, намеков» – о «Бедном Генрихе» Германа).

Со временем для юноши Черневского в книгах все более важным становится их интеллектуальный посыл, предлагаемая ими возможность подумать. В дневнике появляются пространственные размышления по поводу книги и значительные по объему выписки из прочитанного. Первая по времени значительная запись с элементами анализа касается

«Закономерности» Н. Вирты (1937) – книги глубоко злободневной, политически и социально тенденциозной (запись 1939 г.), пронизанной духом времени. Запись о книге, которой Черневский «безумно увлекался», отличается большим количеством газетных штампов эпохи войны с «вредителями и врагами»: «Они объединяются в единую свору бешеных псов», «не гнушающиеся любыми средствами борьбы», «безуспешные попытки найти сочувствие в рабоче-крестьянской массе», «заклятый враг советской власти», «желая спасти свою шкуру», «они переходят на путь террора», «враги хотят настроить массы против нового строя». Книга Вирты тем более затронула Черневского, сына арестованного бывшего эсера, что один из ее героев, Лев Кагард, был сыном расстрелянного эсера. Черневский стремится дать развернутую характеристику каждому персонажу, пишет о героях, которых ему жалко (жертвы отрицательных персонажей). Он нашел в книге Вирты приемлемую для себя модель объяснения происходящего с ним, с его семьей и с окружающими его людьми. Эта пропагандистская книга дала Черневскому своеобразный социально-психологический выход из крайне тяжелой для него ситуации (в отличие от сестры Олег Черневский осудил своих родителей и вступил в конфликт с семейным и дружеским окружением, считавшим, что в отношении его родителей была совершена трагическая ошибка).

Очень показателен круг книг, из которых Черневский делал выписки. Иногда они оказываются непосредственно связанными с конкретной жизненной ситуацией героя. Так, он выписывает из «Пролога»

Чернышевского фразу, которая, как он думает, подчеркнула его любимая девушка. Первые объемные выписки из прочитанного произведения были сделаны им в 1939 г. из «Обыкновенной истории» Гончарова. Юношу, переживавшего первую любовь, заинтересовали суждения дядюшки о женщинах и о ревности. Эта же потребность в осознании своего любовного опыта, по-видимому, и побудила Черневского выписывать фрагменты из «Милого друга» и «Монт-Ориоля» Мопассана, «Без черемухи» П. Романова. Ранние выписки из М. Шагинян свидетельствуют о потребности осознать свой нравственный опыт. Нравственный поиск обнаруживается в выписках из военных рассказов Е. Петрова («о заповедях американцев»), из «Успеха» Фейхтвангера, из Дидро и Вольтера, из книги Г. Борна «Единственный и гестапо» («очень живо и интересно написано, надо будет из нее написать ряд откровений; он пишет такое, о чем стараются не говорить, но это на деле совершенно верно»), Ферреоля «Из тайн инквизиции», Клаузевица «О войне», Олдингтона «Вражда», а также Л.Н. Толстого.

Особое место занимает выписка из книги «Города и годы» Федина. В ней обнаруживается скорее тяга к красивой фразе, несколько эффектной позе (если иметь в виду, что автор дневника чувствовал некоторую близость с героем произведения): «Вот мы кончаем повесть о человеке, с тоскою ждавшем, чтобы жизнь приняла его. Мы оглядываемся на дорогу, по которой ступал он следом за жестокостью и любовью, на дорогу в крови и цветах. Он прошел ее, и на нем не осталось ни одного пятна крови, и он не раздавил ни одного цветка.

О, если бы он принял на себя хоть одно пятно и затоптал бы хоть один цветок. Может быть, тогда наша жалость к нему выросла бы до любви, и мы не дали бы ему погибнуть так мучительно и ничтожно».

Есть единичная выписка, касающаяся историко-политической ситуации в Европе в 1936 г., из книги Синклера «Они не пройдут» (запись 1944 г.). Пассаж из Синклера, по всей видимости, привлек Черневского чисто эстетически эффективным сравнением европейских государств с хищниками.

И, наконец, особое место в читательском опыте Черневского занимает «Жизнь Клима Самгина» Горького, которого он читал «несмотря на предубеждение с большим удовольствием» и в герое которого он увидел собственный портрет. В дальнейших записях сближение себя и Клима Самгина будет повторяться не один раз. В какой-то мере можно говорить о том, что книга Горького открывает Черневскому некоторые особенности его личности. Выписки из нее носят особенно личный характер.

Можно говорить, что читательский опыт в значительной мере способствовал формированию личности автора дневника. Сначала его привлекает в книге сюжет, занимательность. Впоследствии отмечается познавательная ценность книг. И, наконец, Черневский ищет в книгах поведенческие и жизненные образцы, начинает оценивать их с эстетических позиций. Его читательский круг разнообразен и богат, включает классические произведения эпохи Ренессанса (Боккаччо, Рабле, Шекспир), XVII в. («Франсион» Ш. Сореля), эпохи Просвещения (Вольтер, Дидро, Шиллер). Значительный объем прочи-

танного – это классика отечественной и зарубежной литературы XIX в. Отечественную литературу он читает не только по школьной программе. Он с удовольствием выходит за ее пределы, а также возвращается к классическим текстам по окончании школы. Он читает классику и первого, и второго ряда. В круг его чтения входят Толстой, Достоевский, Гончаров, Тургенев («Читал прелестную “Асю”»), Гарин-Михайловский, Писемский, Станюкович, Михайлов. Из классики XIX – начала XX вв. в круг его чтения входят книги французских (Бальзак, Стендаль, Мериме, Флобер, Золя, Мопассан, Дюма, Ж. Верн, Монтерлан, Доде, Гюго), английских (Диккенс, Стивенсон, О. Уайльд, Конан Дойл, Конрад), немецких (Гофмана читал в оригинале) и американских писателей (М. Рид, М. Твен, Дж. Лондон, Дж. Кервуд, Купер). Значительное место в его читательском опыте занимает современная ему переводная и отечественная литература – книги Драйзера, Синклера, Фейхтвангера, Келлермана, Г. Борна, Пристли, В. Бределя, М.А. Нексе, Селина, М. Эме, Олдингтона, А. Толстого, Н. Островского, Ильфа и Петрова, М. Шолохова, А. Беляева, М. Зощенко, М. Шагинян, И. Эренбурга, В. Катаева, Л. Леонова, В. Соловьева, Л. Кассиля, К. Федина, М. Горького, а также Н. Вирты, В. Каверина, Н. Чуковского, Ю. Германа, В. Яна, А. Ноздрина, С. Семенова, В. Лидина, А. Первенцева, А. Коптяевой, А. Шубина, Л. Овалова, П. Яковлева («Первый ученик»), Н. Шпанова, Ю. Крымова и др. Черневский читал Шолом-Алейхема и Гашека, С. Цвейга, Г. Сенкевича, Р. Джованьоли. Кроме художественной литературы его интерес вызывала мемуаристика.

При несомненной идеологической тенденциозности (антифашистской и антикапиталистической) многих прочитанных и положительно оцененных им книг нельзя говорить, что в оценке этих произведений идеологическая составляющая играет какую-либо заметную роль: советский школьник поначалу искал в книгах занимательности; став студентом, начал больше ценить познавательность и психологическую достоверность, а уже будучи молодым инженером, увидел в чтении путь к самопознанию и начал оценивать литературно-художественные качества книг.

Приходится признать, что реальный советский читатель не вписывается в модели «формовки читателя», какую бы историческую реконструкцию мы ни имели в виду под этим выражением. Мальчик, подросток, юноша, молодой мужчина обращался к книге, чтобы удовлетворить свою потребность в развлечении, познании, а также за ответами на назревающие жизненные, нравственные, социальные, исторические вопросы.

Реальная ситуация книжного дела, библиотечного дела, литературной пропаганды в СССР 1930–1940 гг. удовлетворяла эти запросы. Даже в случае с наиболее выразительным влиянием пропаганды на сознание читателя («Закономерность» Вирты) Олег Черневский как читатель скорее искал приемлемого для себя объяснения социальной конфронтации, свидетелем которой он стал. Книга Вирты объясняла и обосновывала уже сделанный автором дневника выбор.

Читатель 1930–1940-х гг. имел доступ к очень разнообразной, разноплановой и разнокачественной литературе. И его читательские практики отвечали прежде всего его возрастным и личностным потребностям, формирующимся, в свою очередь, в очень сложных социально-исторических условиях. Советский читатель – это полноценная личность с высоко развитым личным сознанием, и в этом отношении он не вписывается в модели, предлагаемые социологическими исследованиями различной политической ангажированности.

Библиографический список

1. Банк Б.В. Изучение читателей в России (XIX в.). М., 1969.
2. Гадамер Х.Г. Актуальность прекрасного. М., 1991.
3. Герасимова А. Проблема реального реципиента художественного текста: анализ современных читательских практик. Тарту, 2020.
4. Грякалова Н.Ю., Кибальник С.А., Титаренко С.Д. Что и как читали русские классики? (от круга чтения к стратегиям письма). СПб., 2017.
5. Гудков Л.Д., Дубин Б.В. Литература как социальный институт. М., 2020.
6. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Т. 1. М., 1999.
7. Добренко Е.А. Формовка советского читателя. Социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы. СПб., 1997.
8. Дубин Б.В. Классика, после и рядом: социологические очерки о литературе и культуре. М., 2010.
9. Изер В. Процесс чтения: феноменологический подход // Современная литературная теория. Антология / сост. И.В. Кабанова. М., 2004. С. 201–224.
10. Ингарден Р. Исследования по эстетике. М., 1962.
11. История русского читателя. Вып. 1–3. Л., 1973, 1976, 1979.

12. Рубакин Н.А. Психология читателя и книги. Краткое введение в библиологическую психологию. М.; Л., 1928.
13. Советский читатель: опыт конкретно-социологического исследования: сборник статей. М., 1968.
14. Советский читатель (1920–1980-е годы). СПб., 1992.
15. Якобсон П.М. Психология художественного восприятия. М., 1964.
16. Яусс Х.Р. История литературы как провокация литературоведения // Новое литературное обозрение. 1995. № 12. С. 34–85.

References

1. Bank B.V. Izuchenie chitatelej v Rossii (XIX v.) [Study of readers in Russia (XIX century)]. Moscow, 1969. (In Russ.)
2. Gadamer H.G. Aktualnost prekrasnogo [Relevance of the gorgeous]. Moscow, 1991. (In Russ.)
3. Gerasimova A. Problema realnogo retsipienta khudozhestvennogo teksta: analiz sovremen-nykh chitatelskikh praktik [The problem of a real recipient of a literary text: An analysis of modern reading practices]. Tartu, 2020. (In Russ.)
4. Gryakalova N.Yu., Kibal'nik S.A., Titarenko S.D. Chto i kak chitali russkie klassiki? (ot kruga chteniya k strategiyam pisma) [What and how did the Russian classics read? (from reading circle to writing strategies)]. St. Petersburg, 2017. (In Russ.)
5. Gudkov L., Dubin B. Literatura kak socialnyj institut [Literature as a social institution]. Moscow, 2020. (In Russ.)
6. Gusserl E. Idei k chistoj fenomenologii i fenomenologicheskoy filosofii [Ideas for pure phenomenology and phenomenological philosophy]. Vol. 1. Moscow, 1999. (In Russ.)
7. Dobrenko E. Formovka sovetskogo chitatelya. Sotsialnye i esteticheskie predposylki retseptsiy sovetskoy literatury [Formation of the Soviet reader. Social and aesthetic prerequisites for the reception of Soviet literature]. St. Petersburg, 1997. (In Russ.)
8. Dubin B.V. Klassika, posle i ryadom: sotsiologicheskie ocherki o literature i kulture [Classics, after and next: Sociological essays on literature and culture]. Moscow, 2010. (In Russ.)
9. Izer V. Reading process: A phenomenological approach. *Sovremennaya literaturnaya teoriya. Antologiya*. I.V. Kabanova (compiler). Moscow, 2004. Pp. 201–224. (In Russ.)
10. Ingarden R. Issledovaniya po estetike [Research on aesthetics]. Moscow, 1962. (In Russ.)
11. Istoriya russkogo chitatelya [History of the Russian reader]. Issue 1–3. Leningrad, 1973, 1976, 1979. (In Russ.)
12. Rubakin N.A. Psihologiya chitatelya i knigi. Kratkoe vvedenie v bibliologicheskuyu psihologiyu [Psychology of the reader and the book. A brief introduction to bibliological psychology]. Moscow; Leningrad, 1928. (In Russ.)
13. Sovetskiy chitatel: opyt konkretno-sotsiologicheskogo issledovaniya: sbornik statej [Soviet reader: the experience of concrete sociological research: collection of articles]. Moscow, 1968. (In Russ.)
14. Sovetskiy chitatel (1920–1980-e gody) [Soviet reader (1920–1980s)]. St. Petersburg, 1992. (In Russ.)
15. Jakobson P.M. Psihologiya khudozhestvennogo vospriyatiya [Psychology of artistic perception]. Moscow, 1964. (In Russ.)
16. Jauss H.R. History of literature as a provocation of literary criticism. *Novoye literaturnoye obozreniye*. 1995. No. 12. Pp. 34–85. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 15.01.2021, принята к публикации 15.02.2021
The article was received on 15.01.2021, accepted for publication 15.02.2021

Сведения об авторах / About the authors

Антонова Елена Яковлевна – кандидат филологических наук; доцент кафедры литературы, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова

Elena Ya. Antonova – PhD in Philology; Assistant Professor at the Literature Department, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov

E-mail: vozgeli@yandex.ru

Алексеева Оксана Витальевна – кандидат филологических наук; доцент кафедры литературы, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова

Oksana V. Alekseeva – PhD in Philology; Assistant Professor at the Literature Department, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov

E-mail: je1vu@yandex.ru